

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ

Лазоревый замок

Москва

ГЛАВА 1

Если бы тем майским утром вдруг не зарядил дождь, жизнь Вэланси Стирлинг могла бы сложиться совершенно иначе. Она вместе с родней отправилась бы на пикник по случаю помолвки тетушки Веллингтон, а доктор Трент — в Монреаль. Но пошёл дождь, и случилось вот что.

Проснулась Вэланси рано, в самый безжизненный и безрадостный рассветный час. Ей плохо спалось. Порой плохо спится, когда тебе вот-вот исполнится двадцать девять, а ты до сих пор сидишь в девушках — в обществе и окружении, где незамужние считаются простушками, не сумевшими кого-нибудь себе подцепить.

Дирвуд и Стирлинги давно уже списали Вэланси в безнадежные старые девы. Но сама Вэланси никак не могла отказаться от жалкой, стыдливой маленькой надежды, что любовь однажды придёт и в её жизнь — не могла вплоть до этого сырого, ужасного утра, когда проснулась с осознанием, что ей двадцать девять и ни одному мужчине она не нужна.

Но в том-то и заключалась загвоздка. Вэланси не особенно возражала против того, чтобы остаться старой девой. В конце концов, размышляла она, быть старой девой — далеко не так ужасно, как замужем за дядей Веллингтоном или дядей Бенджамином, или даже дядей Гербертом. Её задевало другое — что у неё не

6 Люси Мод Монтгомери

было возможности стать кем-то ещё. Ни один мужчина никогда не ухаживал за ней.

Слёзы застилали ей глаза, пока она в одиночестве лежала в постепенно сереющих сумерках. Она не решалась расплакаться так, как ей того хотелось, по двум причинам: во-первых, боялась, что рыдания вызовут новую волну боли возле сердца. Вечером, перед сном, у неё случился приступ — хуже, чем все предыдущие. Во-вторых, ей не хотелось, чтобы за завтраком мать заметила её красные глаза и начала приставать с долгими, докучливыми, как рой комаров, расспросами.

«Допустим, — подумала Вэланси с бледной улыбкой, — я отвечу как есть: „Я плачу, потому что меня никто не берёт замуж“. Мать придёт в ужас, хотя она каждый божий день стыдится, что её дочь — старая дева».

Но, конечно, следовало соблюдать приличия. «Не полагается, — тут же представила Вэланси строгий, властный голос матери, — не полагается *девушкам* думать о *мужчинах*».

Она рассмеялась, стоило ей об этом подумать — у неё было чувство юмора, о котором никто в семье не догадывался. Если уж на то пошло, они и о многом другом не догадывались. Но смех звучал недолго — и вот она лежит, съёжившаяся, жалкая фигурка, прислушиваясь к льющему за окном дождю и с болезненным отвращением наблюдая, как уродливая комнатуха постепенно наполняется холодным, лишённым сочувствия светом.

Вэланси помнила наизусть все недостатки этой комнаты — помнила и ненавидела. Выкрашенный жёлтой краской пол, безобразный «плетёный» коврик возле кровати с изображённой на нём гротескной «плетёной» собакой, которая вечно скалилась на Вэланси, когда она просыпалась; тёмно-красные выцветшие обои; по-

крытый подтёками и испещрённый трещинами потолок; кривой узенький умывальник; ламбрекены из коричневой бумаги с фиолетовыми розами; старое треснутое зеркало, всё в пятнах, на несурзном туалетном столике; баночка с сухими благовониями, собранными её матерью во время мифического медового месяца; усыпанная ракушками шкатулка с отбитым углом, которую сделала кузина Стиклз в не менее мифическом девичестве; подушечка для булавок с осыпавшимся наполовину бисером; прямой жёлтый стул; выцветшие слова: «Помним, любим, скорбим», вышитые цветными нитками вокруг мрачного лица прабабушки Стирлинг; старые фотографии доисторических родственников, давно выселенные из нижних комнат. Только две изображали не родственников. Одна — старинная хромолитография: щенок сидит на мокром от дождя крыльце. Эта картинка неизменно наводила на Вэланси тоску. Брошенный малыш, сжавшийся на крыльце под проливным дождём! Почему никто не откроет дверь, чтобы впустить его домой? Вторая — блёклая гравюра в паспарту со спускающейся по лестнице королевой Луизой — щедрый подарок тетушки Веллингтон на десятый день рождения. Она с неприязнью разглядывала её вот уже девятнадцать лет: красивая, напыщенная, самодовольная королева Луиза. Но ей никогда не хватало духу убрать или выкинуть гравюру. Мама и кузина Стиклз пришли бы в ужас или, как непочтительно подумала Вэланси, закатили бы истерику.

Конечно, уродливыми были все комнаты в доме, но за состоянием нижних худо-бедно следили. А для комнат, в которые никогда не заглядывали гости, денег не находилось. Иногда Вэланси думала, что, если бы ей только позволили, она сама обустроила бы свою комнату — даже без денег. Но мать отвечала отказом на

все её робкие предложения, и Вэланси не настаивала. Боялась настаивать. Мать не терпела возражений. Стоило её задеть, как она днями напролёт хмурилась с видом оскорблённой герцогини. Единственное, что нравилось Вэланси в её комнате — возможность остаться в одиночестве, чтобы вдоволь наплакаться.

Хотя, в конце концов, какая разница, уродливая комната или нет, если в ней только спишь и переодевашься? Вэланси не позволялось оставаться одной по каким-либо другим причинам. По убеждению миссис Фредерик Стирлинг и кузины Стиклз, люди могли искать одиночества только из-за нечистых помыслов.

Зато её комната в Лазоревом замке была безупречной.

Запуганная, загнанная и замученная в реальности, Вэланси имела обыкновение ускользать в прекрасные мечты. Никто из Стирлингов и их многочисленных родственников не подозревал об этом, а меньше всех — мать и кузина. Они и не догадывались, что Вэланси живёт сразу в двух местах: в похожем на коробку доме из красного кирпича на Элм-стрит... и в Лазоревом замке в Испании. Лазоревый замок был её отдушиной с тех пор, как она себя помнила. Его хозяйкой она стала ещё в далёком детстве. Когда бы она ни закрывала глаза, он вырастал перед ней со всеми своими башенками и знамёнами на поросшей соснами горе, переливаясь лазоревыми оттенками на фоне закатного неба прекрасной неведомой страны. Всё в замке дышало роскошью. Украшения, достойные королев, платья из лунного света и огня, кушетки из роз и золота, длинные пролёты гулких мраморных ступеней с величественными вазами и снующими по лестницам грациозными, воздушными девушками; окружённые колоннами дворики с искрящимися фонтанами и поющими в зарос-

лях мирта соловьями; зеркальные холлы, отражающие прекрасных рыцарей и миловидных дам — и её, самую красивую из всех, за чей взгляд кавалеры готовы расстаться с жизнью.

Единственное, что поддерживало Вэланси в череде однообразных дней — это возможность помечтать ночью. Всех (или почти всех) Стирлингов охватил бы праведный ужас, узнай они хоть сотую долю того, чем Вэланси занималась в Лазоревом замке.

Для начала, там у неё было полно поклонников. О, но не больше одного зараз. Одного, который клялся ей со всем романтическим пылом рыцарских веков и добивался её ценой долгих усилий, совершив множество подвигов — после чего они торжественно и с размахом венчались в большой, увешанной знамёнами церкви возле Лазоревского замка.

В двенадцать у этого поклонника были золотые кудри и небесно-голубые глаза. В пятнадцать он был высоким, темноволосым и бледным, но непременно красивым. В двадцать — аскетичным, мечтательным и одухотворённым. В двадцать пять у него образовался резко очерченный подбородок, взгляд стал слегка мрачным, а лицо скорее говорило о силе и мужественности, нежели о красоте. Вэланси никогда не была старше двадцати пяти в Лазоревом замке, но недавно — совсем недавно, — у её героя появились рыжевато-каштановые волосы, кривая усмешка и загадочное прошлое. Нельзя сказать, что Вэланси умышленно убивала своих возлюбленных, когда вырастала из них. Простой просто исчезал с появлением следующего. В этом отношении в Лазоревых замках всё устроено чрезвычайно удобно.

Но в то судьбоносное утро ключ от Лазоревского замка никак не находился. Реальность слишком сильно давила на Вэланси, твякая под ногами, как надоедли-

вая собачонка. Ей двадцать девять: одинокая, ненужная, невзрачная — единственная дурнушка в семье красавцев, без прошлого и без будущего. Прошлое казалось тусклым и бесцветным, без единого проблеска — алого или пурпурного. Будущее, как бы далеко она в него ни заглядывала, не предвещало перемен, пока она превращалась в одинокий, увядающий листок, цепляющийся за мерзлую ветвь. Момент, когда женщина осознает, что ей незачем жить — ни ради долга, ни ради любви, смысла или надежды, — таит в себе горечь смерти.

«И мне придётся продолжать существовать, потому что я не могу остановиться. Ведь доживают же люди и до восьмидесяти, — подумала в отчаянии Вэланси. — Мы так отвратительно долго живём. Страшно даже подумать».

Она радовалась дождю — или скорее, испытывала мрачное удовлетворение. Пикник наверняка отменится. Ежегодный пикник, на котором тётушка и дядюшка Веллингтоны (о них всегда вспоминали в такой последовательности) вот уже тридцать лет неуклонно отмечали помолвку, в последние годы стал для Вэланси сущим кошмаром. По странному стечению обстоятельств он приходился на день её рождения и, с тех пор как ей исполнилось двадцать пять, никто не оставлял её в покое.

Как бы она ни ненавидела этот пикник, ей бы и в голову не пришло противиться. В её характере не было ничего мятежного. Она прекрасно знала, что её ждёт на пикнике. Дядю Веллингтона она не любила и презирала, несмотря на то что он достиг предела мечтаний всех Стирлингов: «Женился на деньгах». Он едва слышно прошепчет ей на ухо: «Ещё не надумала выходить замуж, дорогая?», а потом расхо-

хочется, как и всегда после своих глупых замечаний. Тётушка Веллингтон, вызывавшая у Вэланси благоговейный трепет, расскажет про новое шифоновое платье Олив и последнее чудесное письмо от Сесила. Вэланси придётся изображать такой интерес и восторг, как будто платье и письмо предназначаются ей — иначе тётушка обидится. А Вэланси уже давно решила, что лучше обидит Господа, чем тётушку Веллингтон, потому что Господь, возможно, и простит её, но тётушка — никогда.

Необъятных размеров тётя Альберта с милой привычкой называть мужа «он», — как будто это единственный мужчина на планете, вечно помнящий, что в молодости она была красавицей, — начнёт сокрушаться по поводу нездорового цвета лица Вэланси...

— Не могу понять, отчего девушки сейчас ходят с обгоревшими лицами? В молодости кожа у меня была как розовый лепесток. Я считалась первой красавицей в Канаде, милочка.

Возможно, дядюшка Герберт промолчит — или пошутит: «Как же ты располнела, Досс!» И все рассмеются над невероятно забавной мыслью, что бедная худенькая Досс вдруг могла растолстеть.

Красивого и торжественного дядю Джеймса Вэланси не любила, но уважала: он славился своим умом, вследствие чего считался семейным оракулом — от переизбытка сообразительности Стирлинги не страдали. Он, вероятно, заметит с характерным ему торжественным сарказмом: «Ты, наверное, вовсе готовишь приданое?»

А дядя Бенджамин сквозь сдвоенное хихиканье загадает один из своих отвратительных каламбуров и сам же на него ответит:

— В чём разница между Досс и мышкой?

— Мышке нужен сыр, а Досс — сэр.

Вэланси слышала это уже раз пятьдесят, и каждый раз ей хотелось чем-нибудь в него запустить. Но она держала себя в руках. Во-первых, Стирлинги попросту не кидались вещами; во-вторых, дядя Бенджамин был богатым, старым и бездетным вдовцом, а Вэланси воспитывали в страхе и почтении к его деньгам. Стоит ей обидеть дядюшку, как он вычеркнет её из завещания — если она там вообще есть. Этого Вэланси не хотелось. Бедность сопровождала её всю жизнь, и она знала её мучительную горечь. Так что Вэланси терпела дядюшкины каламбуры и даже вымученно улыбалась в ответ.

Тётушка Изабель, прямолинейная и противоречивая, как восточный ветер, не упустит возможности её раскритиковать — Вэланси не могла предположить как, потому что тётя никогда не повторялась: каждый раз находила новый повод для укола. Тётушка Изабель гордилась своим умением прямо говорить, что думает, но когда другие говорили, что *они* думают о *ней*, это нравилось ей куда меньше. *Вэланси* никогда не говорила, что думала.

Кузина Джорджиана, названная так в честь прапрабабушки, которую назвали в честь Георга Четвёртого¹, станет горестно перечислять имена всех родственников и знакомых, умерших за прошедший год, и размышлять «кто же из нас будет следующим».

Удручающе компетентная во всех вопросах тётя Милдред будет бесконечно говорить с ней о своём муже и отвратительных детях-вундеркиндах, потому что

¹ Георг Четвёртый (1762–1830) — один из самых непопулярных английских монархов, предмет высмеивания во множестве сатир, в том числе пера Байрона. (*Здесь и далее, за исключением специально оговорённых случаев, примечания переводчика.*)

никто, кроме Вэланси, не станет её слушать. По той же причине кузина Глэдис — на самом деле, первая кузина во втором колене, согласно предельно точной манере определения Стирлингами степени родства — высокая, худошавая женщина, постоянно жалующаяся на слабое здоровье, примется детально описывать свой мучительный неврит. А Олив, предмет восхищения всего семейства Стирлингов, обладающая всем, чего нет у Вэланси — красотой, популярностью, любовью, — будет вовсе красоваться, наслаждаясь производимым эффектом, и хвастаться бриллиантовым символом любви на глазах у ослепленной и исполненной зависти Вэланси.

Но сегодня ничего из этого не случится. И не нужно будет складывать чайные ложки. Приготовления всегда ложились на плечи Вэланси и кухни Стиклз. Однажды, шесть лет тому назад, пропала серебряная ложка из свадебного сервиза тетушки Веллингтон. И разговоры об этой ложке не прекращались до сих пор. Она появлялась, подобно призрак¹, на всех семейных собраниях.

Ах да, Вэланси знала до мелочей, каким был бы пикник, и благословляла спасительный дождь. Никакого пикника в этом году. Если тётушка Веллингтон не сможет отметить этот священный день именно сегодня, то не станет отмечать вовсе. И хвала всем богам за это.

Раз уж пикник отменялся, Вэланси решила сходить в библиотеку за очередной книгой Джона Фостера — на случай, если дождь затянется на весь день. Ей не позволяли читать романы, но на Джона Фостера запрет не распространялся. Он писал «книги о природе» — как

¹ Банко — персонаж пьесы Уильяма Шекспира «Макбет». В одной из сцен призрак Банко появляется во время праздника, вселяя страх в убившего его Макбета.

объяснила миссис Стирлинг библиотекарша, — «всё о лесах, птицах, жуках и тому подобном». Так что Вэланси разрешили их читать — с большой неохотой, потому что было слишком очевидно, насколько они ей нравятся. Позволительно, даже похвально, читать, чтобы укреплять разум и дух, но увлекательная книга опасна. Вэланси не знала, укреплялся ли её разум, но смутно чувствовала, что если бы книги Джона Фостера попались ей несколькими годами раньше, жизнь могла бы стать совсем иной. Ей казалось, что они рисуют перед ней мир, в который она когда-то могла войти, а теперь двери закрылись навсегда. Книги Джона Фостера появились в библиотеке Дирвуда только в этом году, хотя библиотекарша сообщила, что он уже несколько лет как снискал популярность.

— Откуда он? — поинтересовалась Вэланси.

— Никто не знает. Судя по книгам, из Канады — и на этом всё. Издатели молчат. Вполне вероятно, что Джон Фостер — это псевдоним. Его книги разлетаются у нас как горячие пирожки, хотя я не понимаю, что в них такого, чтобы так ими бредить.

— Мне кажется, они чудесные, — застенчиво сказала Вэланси.

— О-о... Что ж... — Мисс Кларксон снисходительно улыбнулась, отправляя тем самым мнение Вэланси в небытие. — Не могу сказать, что меня так уж интересуют жуки. Но Фостер, похоже, знает о них всё, что только можно.

Вэланси не была уверена, так ли уж её интересуют жуки. Её привлекали вовсе не обширные познания Фостера о диких животных и насекомых. Сложно сказать, что именно: заманчивая ли прелесть нераскрытой тайны, намёк ли на секрет где-то поблизости, а может, слабое, неуловимое эхо прекрасных, забытых вещей?

Магия Джона Фостера с трудом поддавалась определению.

Да, она возьмёт новую книгу. С тех пор, как она брала «Плоды чертополоха», прошёл целый месяц, так что мама, конечно, не будет против. Вэланси прочитала её уже четыре раза и могла наизусть цитировать целые фрагменты.

И... она почти решилась пойти к доктору Тренту из-за этой странной боли вокруг сердца. Слишком уж часто она стала появляться в последнее время, а учащённое сердцебиение начинало раздражать, не говоря уже о внезапном головокружении и странной одышке. Но как пойти к нему, не сказав семье? Никто из Стирлингов не посещал врача, не спросив прежде совета дяди Джеймса. А потом шли к доктору Амброзу Маршу из Порт-Лоуренса, женатому на второй кузине Аделаиде.

Но Вэланси не нравился доктор Марш. К тому же сама она никак не преодолела бы расстояние в пятнадцать миль до Порт-Лоуренса. Ей не хотелось рассказывать о проблемах с сердцем. Начнётся страшный переполох, каждый из членов семьи зайдёт, чтобы дать совет, наставление, предупреждение и рассказать ужасные истории о двоюродных бабушках и кузинах в сороковом колене, с которыми было «всё то же самое, и смерть наступила так внезапно, дорогая».

Тётушка Изабель вдруг вспомнит, что всегда знала о её проблемах с сердцем — «вечно такая подавленная и осунувшаяся». Дядя Веллингтон воспримет это как личное оскорбление — «ни у кого из Стирлингов проблем с сердцем отродясь не бывало». А кузина Джорджана прекрасно различимым шепотом предречёт, что «бедная дорогая Досс, боюсь, недолго задержится на этом свете». Кузина Глэдис скажет: «Что ж, моё сердце ведёт себя так *годами*». Тонем, ясно дающим понять, что

другим неуместно даже иметь сердце. А Олив — Олив всего-навсего будет красивой, снисходительной и отвратительно здоровой, как будто демонстрируя всем своим видом: «К чему весь этот шум вокруг такого жалкого существа, как Досс, когда есть я?»

Вэланси решила, что расскажет им только в случае крайней необходимости. С сердцем не может быть ничего серьёзного, и нет никакой нужды во всей этой суматохе. Нужно лишь прямо сегодня ускользнуть к доктору Тренту. Что касается оплаты приёма, то при рождении Вэланси отец положил в банк на её имя двести долларов, и она тайком возьмёт оттуда необходимую сумму. Хотя ей никогда не разрешали пользоваться даже процентами с этого вклада.

Доктор Трент был угрюмым, прямолинейным и рассеянным стариком, но в сфере сердечных заболеваний обладал значительным авторитетом, несмотря на то, что работал обычным врачом в богом забытом Дирвуде. Ему перевалило уже за семьдесят, и ходили слухи, что он собирается уходить на пенсию. Никто из Стирлингов и носа к нему не казал с тех пор, как десять лет тому назад он сказал кухне Глэдис, что её неврит — выдумка, которой она потекает. Нельзя просто так отдать предпочтение врачу, который оскорбил вашу первую кухню во втором колене — не говоря уже о том, что он был пресвитерианином¹, тогда как все Стирлинги посещали англиканскую церковь. Но, выбирая между дьяволом неверности и безбрежным морем суматохи, болтовни и советов, Вэланси решила попытать счастья с дьяволом.

¹ Пресвитерианство — направление в протестантизме, сторонники которого признают кальвинистскую теологию и отвергают церковную иерархию. (*Прим. ред.*)

ГЛАВА 2

Когда кухня Стиклз постучалась в дверь, Вэланси поняла, что уже половина восьмого и пора вставать. С тех пор как она себя помнила, кухня Стиклз стучала к ней в дверь ровно в половину восьмого. Сама она, как и миссис Фредерик Стирлинг, поднималась не позже семи, но Вэланси разрешалось поспать подольше — семья считала её здоровье хрупким. Вэланси встала, хотя сегодня ей этого не хотелось больше, чем когда-либо. Зачем ей было вставать? Очередной тоскливый день, как и дни до него, полный бессмысленных хлопот, пустых и неинтересных, не приносящих никому пользы. Но если не встать прямо сейчас, она не успеет одеться к завтраку. Приёмы пищи, по заведённому миссис Фредерик распорядку, начинались в строго отведённое для них время. Завтрак в восемь, обед в час, ужин в шесть — и так из года в год. Опоздания не прощались ни при каких обстоятельствах. Поэтому Вэланси, ёжась, вылезла из кровати.

В комнате было ужасно зябко из-за сырого, всепроникающего холода майского утра. Но и днём не станет теплее. Миссис Фредерик запрещала топить камин после двадцать четвёртого мая. Еду готовили на маленькой керосиновой плите, стоявшей на задней веранде. И хотя в мае могли быть холода, а осенью — заморозки, ни один камин не топили до двадцать первого октября. Двадцать первого октября миссис Фредерик начинала готовить на кухонной плите и вечерами затапливала камин в гостиной. Ходила молва, что Фредерик Стирлинг подхватил простуду, которая свела его в могилу на первом году жизни Вэланси, потому что миссис Стирлинг не захотела топить камин двадцатого октября. Она затапила его на следующий

день — но было уже слишком поздно для Фредерика Стирлинга.

Вэланси сняла и повесила в шкаф ночную рубашку из грубого небеленого хлопка с высоким горлом и длинными тесными рукавами. Надела нижнее бельё того же сорта, коричневое платье из крашеного льна, толстые чёрные чулки и туфли на резиновой подошве. В последние годы у неё вошло в привычку укладывать волосы перед зеркалом, опустив штору. Тогда морщины на её лице не казались такими заметными. Но сегодня она отёрнула штору как можно дальше и пристально взгляделась в пятнистое зеркало с решимостью увидеть себя такой, какой её видят другие.

Результат оказался кошмарным. Даже красавица усомнилась бы в собственной привлекательности из-за этого резкого бокового света. Вэланси увидела прямые чёрные волосы, тонкие и короткие, вечно тусклые, несмотря на то, что каждый вечер она ровно сто раз — ни больше, ни меньше — проходила по ним расческой и добросовестно втирала в корни средство Редферна для укрепления волос. Сегодня они были тусклее, чем когда-либо. Тонкие, прямые чёрные брови, нос, всегда казавшийся ей слишком крошечным даже для её маленького и угловатого бледного лица. Бесцветные, слегка приоткрытые губы, из-под которых виднелся ряд островатых белых зубов. Худощавая, не фигуристая, рост ниже среднего. Она как-то избежала семейных высоких скул, а её темно-карие глаза смотрели слишком мягко и мечтательно, чтобы казаться чёрными, и имели почти восточный разрез. Не считая глаз, она не была ни красавицей, ни дурнушкой — просто никакой, в чём она с горечью убедилась. Как чётко вырисовывались морщинки вокруг рта и глаз в этом безжалостном свете! И никогда прежде её узкое бледное лицо не выглядело